

В.И. ИВАНОВА

*(Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия)*

УДК 811.161.1-14(Кушнер А.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

МОТИВ МАТЕРИАЛИЗАЦИИ ДУШИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотива материализации души в ранней лирике Александра Кушнера. Анализ трех стихотворений показывает нетрадиционное представление поэта о душе, изображенной вне человеческого тела. Вместителями души становятся предметы, символизирующие науку. Так в первом стихотворении душа предстает перед нами в виде колбочки с реактивами, что делает её доступной к восприятию и осмыслению. Во втором стихотворении магнитофон становится вместителем души, он наделяет душу бессмертием. И уже в третьем стихотворении граммофонная пластинка заключает в себе душу, выраженную через голос. Благодаря этому предмету оживает фрагмент мира в воображении лирического героя. Все три стихотворения, представленные в работе, позволяют проследить мотив материализации души вне религиозного контекста, что говорит об интересе поэта к научным открытиям на раннем этапе творчества, характерном для поэтов шестидесятников.

Ключевые слова: материализация, душа, предметный мир, бессмертие, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

Предметный мир Александра Кушнера уже неоднократно привлекал внимание литературоведов, а предметность в лирике поэта интерпретировалась в различных аспектах. Так, в работе С. Ю. Сухановой и П. А. Цыпиловой [Суханова, Цыпилова 2011: 126-141] мотив опредмечивания эмоциональных состояний возводится к античной литературе, в частности работа отсылает к учению Гераклита. В монографии Д. Б. Пэна [Пэн 1992: 1-63] выделяется такая особенность лирики А. Кушнера как обытовление внешней среды. Об ощущении полноты жизни, достигаемой лирическим героем через вечность бытия говорит в своей статье Т. В. Алешка [Алешка 2002: 3-9]. Используя накопленную базу, рассмотрим в пределах поэтической реальности А. Кушнера функционирование мотива материализации души.

В критике уже сложилась традиция выделять первые два сборника «Первое впечатление» (1962) и «Ночной дозор» (1966) как ранний период творчества поэта. Такое деление творчества Кушнера имеет признание не у всех литературоведов и критиков. Но мы считаем правомерным рассмотреть стихотворения 1962-1966 годов как самостоятельный период творчества, согласившись с мнением А. Урбана [Урбан 1986: 152] и Д. Пэна, Г. Красухина [Красухин 1970: 254], М. Пьяных [Пьяных 1985: 194]. В данных работах основным критерием деления на этапы творчества становится связь вещного мира и человеческой души.

Само понятие «душа» как метафизическое явление появляется далеко не сразу. А. Ф. Лосев [Лосев 1957: 24- 41] в книге «Античная мифология и ее историческое развитие» показывает изменение во взглядах греков на феномен души как вместительница жизненных сил. Наиболее древним было отождествление души с птицами, которые мечутся в страхе по воздуху, как души над телом. Позднее сформировался взгляд на душу, как на порхающие тени и бессильные сновидения, но душа здесь мыслится бестелесной. А. Ф. Лосев также описывает представления древних о переселении человеческих **душ в животных**. Одним из излюбленных символов души многих народов была бабочка. В античности именно она вылетает из погребального костра, то летает над покойником, то отправляется в Аид. Греческое слово – *psyche* – обозначает и «бабочку» и «душу». Несомненно, и сам человек некогда представлялся вполне фетишистски. Душевная жизнь человека осмысливалась функциями тела и всем человеческим организмом. Органы человека в виде сердца, почек, глаз, волос, крови и слюны первоначально представлялись самой душой, а уже позднее стали мыслиться как ее носители (диафрагма стала седалищем души). И не случайно, само значение слова «душа» во многих языках (латинский, греческий и т. д.) имеет значение «дыхания». В мировой литературе еще со времен античности сложилась традиция изображения души, ее жизни и движения посредством ощущений, перцепций, подчеркивающих неразрывность в живом человеке телесного восприятия и души.

В стихотворении А. Кушнера «Душа – таинственный предмет», которое входит в сборник «Первое впечатление», с первой строки мы видим, как лирический субъект отходит от традиционного мифологического представления души. Здесь душа – это не та самая бабочка (*psyche*), о которой говорилось выше: «Она не с крылышками, нет!» [Кушнер 1963: 94]. Душа мыслится в совершенно новом облике, она – таинственный предмет и изображается вне человеческого тела, полу-

чает собственное феноменологическое бытие, но при этом она материально воплощена. Для выражения мысли о феноменологии души как таковой, вне зависимости от телесных перцепций, душа помещается в колбочку с реактивами.

Выбор предмета необычен, ведь в привычном понимании, колбочка является символом науки и интеллекта, что само по себе противоречит понятию «душа». Но, употребление уменьшительно-ласкательной формы слов «крылышки» и «колбочка», свидетельствуют об особом отношении лирического «Я» к предмету. Ведь именно она – колбочка становится образом одного из управляющих центров человеческого организма.

С помощью олицетворений и парного соединения однородных членов «Сжимаясь ночью от обид, / Она весь день в огне проводит. / В ней вечно что-нибудь кипит, / И булькает, и происходит: / Взрывается и гаснет вновь, / Откладывается на стенки» [Кушнер 1963: 94] мы видим процессы, происходящие в колбочке, которые отражают реакции, происходящие в душе. А результат химических реакций – «...получается любовь, / И боль, и радость, и оттенки». Усиленное восприятие внепредметного явления в материальном теле создается благодаря использованию в стихотворении синтаксических выразительных средств. Синтаксический параллелизм в третьей и четвертой строке: «Она не с крылышками, нет! / Она на колбочку похожа» [Кушнер 1963: 94], показывает противоречивую связь души и предмета. Восклицание в третьей строке утверждает мысль субъекта о том, что есть душа. В восьмой и девятой строке параллелизм усиливает нарастание интонации, что создает ощущение интенсивности реакций в предмете. Этому способствует и анафора в последних двух строках, и многосоюзие в последней строке. Ощущение противоречия создается сочетанием ритмического и синтаксического уровня. Ритмический рисунок показывает присущий кушнеровскому стилю спокойный тон, выраженный использованием четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой с чередованием женской (в четных строках) и мужской (в нечетных) рифмы, которая по совпадению звучания всегда точная. Оставаясь спокойным, лирический герой Кушнера через реалии понимает феноменологию переживания человеческого я. Определив духовное, нематериальное, психоэмоциональное, соотнеся колбочку с эссенцией, он показал жизнь души с помощью предмета, ведь отсутствие перцепций позволяют сконцентрироваться на феноменологии души как таковой. Поместив ее в трехмерное измерение – вещный

мир, поэт делает душу возможной для восприятия, переживания и осмысления.

Феномен материализации души **раскрывается** у Кушнера и в стихотворении «Магнитофон», входящем в сборник «Первое впечатление» 1962 года. Здесь душа, заключенная в магнитофонную ленту, становится бессмертной, и потому лирический герой видит «Будущее – за магнитофоном» [Кушнер 1997: 14], несмотря на то, что слова могут быть зафиксированы на бумаге, именно голос вызывает ассоциацию с поэтическим произведением.

Смерть поэта неминуема как смерть его физического тела, но душа поэта в виде голоса, отделившегося от тела, с помощью магнитофона может ожить «хотя б на полчаса» [Кушнер 1997: 14]. И сам магнитофон, с помощью олицетворения «под глазком его зеленым», как бы помещая в себя душу в виде голоса, оживает.

В восьмой строке лирический герой с помощью обращения просит не жалеть ленты, потому что только с ней в предстоящем веке могут зазвучать голоса, как в жизни. Усиливается эмоциональное восприятие строки с помощью восклицания. А перифраз «Точно нам не опускали веки» [Кушнер 1997: 14] образно характеризует дух того, кто уйдет из земной жизни. Используя снова перифраз «ближних» в девятой строке, субъект высказывания обращается к будущему поколению с просьбой оставить их опредмеченные души в материальном мире и не стирать их «ради джаза». В десятой строке лирический субъект поторапливает катушку магнитофона, для того, чтобы она скорее записала голос, душу на пленку и сделала ее бессмертной. Оживление души показано в стихотворении с помощью олицетворений «проныра» и «пролаза». Олицетворения «Техника спасает наши души / И берет к себе на небеса» [Кушнер 1997: 14] снова говорят о том, что магнитофон запечатлевает голос, который с помощью предмета обретает специфическую телесность. Так, магнитофон становится вместилищем души, как пушкинский нерукотворный памятник. Кушнеровский герой, как и пушкинский, говорит: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит». И рукотворная магнитофонная лента здесь – артефакт, который сохраняет нерукотворный голос.

Композиция стихотворения, не предполагающая строфическую организацию, создает ощущение крутящейся катушки магнитофона посредством отсутствия деления на строфы, как событийных завершений. Так, подобно катушке, которая крутится и торопится, лирический субъект торопится оставить голос на катушке, успеть свою душу наде-

лить бессмертием. Но субъект высказывания все-таки делает паузы, с помощью перенесения окончания предложения из 11-й стихотворной строки в другую, следующую за ней. Такой перенос создает в стихе ритмическую паузу, тем самым выделяя основные лирические центры стихотворения – «Голос мой, / проныра и пролаза» [Кушнер 1997: 14]. Такой же перенос наблюдается и в 16-й строке. Субъект намеренно делает паузу, потому что для него важно, что не нужно ругать науку, не нужно разум противопоставлять душе, ведь научный тип мировосприятия не означает отсутствие душевности и способности видеть мир одухотворенным, поэтому лучше просто послушать «Как звучат на ленте голоса». Так, метафизическое в стихотворении «Магнитофон» становится физически опредмеченным и позволяет говорить о возможности душе оставаться в земном мире после смерти телесной оболочки.

Тот же мотив материализации души прослеживается и в стихотворении «Пластинка», вошедшем в сборник «Ночной дозор». Здесь, как и в «Магнитофоне», благодаря предмету – пластинке, душа обретает бессмертие. Лирический герой становится проводником от физического к метафизическому состоянию души, от пластинки к звуковому и визуальному образу: «Я слушаю тихое пенье, / Приставив ладони к лицу» [Кушнер 1997: 32]. Эпитет следующей строки «старой» содержит напоминание о **смерти певца как физического организма и бессмертии его души, которая переместилась в старый предмет**. Именно грампластинка создает отношения прошлого с настоящим, певца с субъектом высказывания. И эта встреча сопровождается шипением пластинки, которое **«на руку» и певцу и его слушателю, ведь именно оно позволяет расширить образ, наполнить его компонентами**. Эпитеты «далекий», «тихий», «глух», ощущение удаления образуют из звукового сравнения образно-визуальное: «Как будто в нелегкой дороге / Ворсинки пристали к нему» [Кушнер 1997: 32]. Шорохи пластинки, качество звука и голоса создают в воображении лирического субъекта образ дождя, который с помощью олицетворения «вкрадчивый» обретает новый уровень восприятия. В третьей строфе появляется и сам образ «осторожного» певца: «Пел в свитере, горло щадя» [Кушнер 1997: 32]. Использование синтаксического параллелизма «Как будто» в строфе, подчеркивает то, что перед нами не реальный человек, а его образ, его душа. И когда певец переводит дыхание, образуется пауза, она снова заполняется шуршанием, которое отсылает лирического героя в прошлое «Когда грампластинка запись / Так несовершенна была» [Кушнер 1997: 32]. Олицетворения «прибли-

жаясь», «пятысь» показывают, как в стихотворении постепенно оживает все: голос певца, сам певец, природа, тот день, когда была сделана запись и вся комната, а благодаря анафоре в этой строфе, усиливается ощущение интенсивности появления образа предметов: «И вижу я столик дубовый / На крашенных ножках резных, / И записи оттиск готовый, / И несколько проб запасных» [Кушнер 1997: 32]. Воссоздание картинки завершается образом самого артиста: «И свитер суровый его / Он шутит: немножко нечисто, / Но страшного нет ничего» [Кушнер 1997: 32]. Между лирическим героем и объектом изображения появляется связь. Они оба понимают, что эта шероховатость и пение среди помех и есть высшая радость, потому что сама жизнь, в отличие от ее фильтрации в тексте, всегда несет в себе моменты шероховатости. И шорох на старой пластинке более убедителен и правдоподобен, чем чистейшая студийная запись, которая создает ощущение вакуума и безжизненности. Именно старая граммофонная пластинка заключает в себя голос – душу, встроенную в жизнь. И именно благодаря голосу певца и оживает фрагмент мира.

Ровный, спокойный тон стихотворения и использование четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой и чередованием женской (в нечетных строках) и мужской (в четных) рифмы, которая по совпадению звучания практически всегда точная, подчеркивает образ лирического героя, который тихо, прижав ладони к лицу воссоздает картинку с помощью песни на граммофонной пластинке. Он погружается в звук и его спокойный тон, позволяет ему все ближе и ближе увидеть картину жизни певца и самого певца.

Проанализированные стихотворения позволяют сделать вывод о том, что в ранней лирике Александра Кушнера прослеживается мотив материализации души. Метафизика души все всякого религиозного и мистического контекста у поэта не случайна. Во всех трех стихотворениях душа обретает бессмертие благодаря использованию тех возможностей и средств, которые появились в нашей жизни с помощью науки. Именно она становится формой опредмечивания мысли. Такая интерпретация научных открытий специфическим метафизическим образом у Кушнера говорит об интересе поэта к научным открытиям на раннем этапе творчества, характерном для поэтов шестидесятников. А восприятие предметной реальности позволяет представить духовную реальность как синтез эмоционально-волевого и мыслительного начал.

ЛИТЕРАТУРА

Алешка Т. В. Вещный мир поэзии А. Кушнера // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. – 2002. – № 1. – С. 3-9.

Краснухин Г. И разговор у нас совсем иной пошел // Новый мир. – 1970. – № 3. – С. 252-254

Кушнер А. Избранное. Стихотворения. – СПб.: Художественная литература, 1997. – 496 с.

Кушнер А. Первое впечатление. – М.; Л.: Сов. писатель, 1962. – 96 с.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 598 с.

Пьяных М. Ф. «Покой нам только снится...» // Русская советская поэзия 1965-1985 годов. – Л., 1985. – С. 192-203.

Пэн Д. Б. Мир в поэзии А. Кушнера: монография. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. – 63 с.

Суханова С. Ю., Цыплева П. А. Функции античного претекста в лирике А. Кушнера // Вестник ТГУ: Филология. – 2011. – Вып. 2 (28). – С. 126-141.

Урбан А. А. Пятая стихия // Нева. – 1986. – № 9. – С. 151-160.

Науч. руководитель: Налегач Н. В., д.ф.н., проф.